

Каждому из нас известно выражение: «Весь мир – театр», но, кажется, ещё никто не осмеливался перенести законы драматургии на реальную человеческую жизнь и посмотреть, например, в каком «жанре» живёт тот или иной человек, соответствуют ли «развязки» и «кульминации» его бытия «завязкам», происшедшим в далёком прошлом. Замысел книги Юрия Арабова «Механика судеб», главу из которой мы публикуем, родился из одного-единственного вопроса: работает ли Господь Бог как драматург, соответствует ли понятие «судьбы» тем законам, которые мы знаем из теории драматургии? Вооружившись знанием законов драматургии и опытом создания десятков сценариев, автор выбрал для исследования подробно документированную жизнь А. С. Пушкина. Оказалось, что жизнь Пушкина почти целиком укладывается в те механизмы, которые нам известны из анализа драматических произведений. По «завязкам», происшедшим в молодости, можно вполне просчитать события, которые произошли в «развязочной части композиции», то есть перед смертью. Оказалось даже, что в композиции жизни есть точка «золотого сечения».

* * *

«...Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им же писанную, но, слава Богу, умер христианином».

Любой драматург, проработавший какое-то время в театре или в кино и достигший хотя бы минимальных результатов, задается вопросом: а зачем, собственно говоря, все это нужно? Знание композиционных законов, завязка и развязка, напряженное (или вялотекущее) действие? И даже аристотелевский катарсис, совершенно уже неподвластный современным перьям, мало что объясняет в вопросе – зачем? Зачем все это? Неужели только для того, чтобы слепить еще один «удачный» фильм, о котором лет через пять никто и не вспомнит? Совершенная же беда наступает тогда, когда драматург начинает читать теоретический курс, отливая свое интуитивное знание в чеканные (по возможности) формулировки. Такая беда происходит с автором этих строк уже четвертый год в связи с преподаванием в киноинституте известного предмета, который хоть и не во всей полноте, но все-таки сказывается в так называемом авторском кино.

Итак, зачем все это? К чему эта драматургия нужна?

На мой взгляд, ни одна из наук не стоит ломаного гроша, если не отвечает на коренные вопросы бытия, на те самые онтологические вопросы, которые составляют сердцевину философии и «людоведения»: **зачем мы живем? что происходит после смерти? почему с нами случается то или иное событие? что движет случаем?**
и т. д.

Христианство говорит нам, что ничего не происходит без ведома Царя Небесного, ни один волосок не упадет с головы без Его Воли. Восточные культы, и прежде всего индуизм, вводят понятие кармы, или воздаяния за совокупность совершённых деяний, оно может наступать в последующих жизнях, в существовании потустороннем, но также и в жизни «этой». Древние эллины были, казалось, совершенными политеистами, что само собой предполагает полный хаос, вернее, плюрализм воззрений и культов. Однако из древнегреческой трагедии до нас дошел «механизм воздаяния», который включается

как бы «автоматически» после нарушения «нормы», а также понятия рока (не путать с роллом) и судьбы.

Сегодняшняя постмодернистская культура вообще отрицает какие-либо закономерности бытия, утверждая хаос и отчаяние как единственные константы в неподвластном уму мире. С этим я бы охотно согласился, если бы не одно «но»: произведения постмодернистов в кино и литературе построены по четко выверенным закономерностям, доставшимся нам в наследство от предыдущих культурных эпох, так называемая «случайность» почти сведена к нулю. Лучшие произведения постмодерна антихаотичны, и этим постмодернизм изобличает сам себя, свою философию и идеологическую сердцевину: даже проповедь хаоса должна быть четко выстроена, даже «непроповедь» должна в себе нести черты проповеди.

Человеческое сознание, несмотря на философию, исповедуемую тем или другим индивидуумом, строго структурировано – об этом давно знают психологи и физиологи. Неструктурированное сознание называется шизофренией, маниакально-депрессивным психозом. Хотя последнее утверждение вряд ли верно: в мании также присутствует хотя бы один структурообразующий элемент (например, любая фобия), такое расстроенное сознание точнее будет назвать злокачественно структурированным.

Но если элементы сознания тесно «увязаны» друг с другом, то что нам мешает допустить точно такую же «увязанность» элементов окружающего нас мира? Об этом прекрасно знают маги, и, кажется, пока ничто не опровергло «алмазную скрижаль» Гермеса Трисмегиста – малое подобно большому, что внизу, то и наверху.

Грош цена той науке, которая не помогает нам разгадать свою судьбу и судьбы других людей. Грош цена тому искусству, которое не может прочесть «письмена Аллаха», начертанные на всем, например на среднеазиатской дыне. Грош цена той философии, которая не может трактовать «странные сближения», столь волновавшие, например, модерниста Набокова. А если так, то нам следует сделать первый шаг и задаться вопросом: а правомерно ли будет наложить механизм драматургии на «саму жизнь», чтобы объяснить ее «странные сближения», или на судьбу конкретного человека не в огнях рампы, не на «сырой простыне» киноэкрана, а «здесь и сейчас»? И, может быть, мысль Шекспира о том, что «весь мир – театр», вдруг поймется нами отнюдь не в карнавальном смысле, как понимается сейчас...

Тогда можно будет сказать кое-что и о самом Драматурге. Или лучше о Нем помолчать.

Вероятно, что понятие жанра нам вряд ли поможет. Любая жизнь трагична, коль связана с физическим исчезновением ее носителя. Или комична и напоминает игру в прятки, когда все ищут мертвеца, а он только посмеивается. Это как посмотреть.

По-видимому, речь должна идти не о жанрах, а о вещах более общих, например, о структурной композиции той или иной человеческой судьбы, о таких глобальных драматургических механизмах, как «нарушение нормы», включающих механизм «воздаяния» тому, кто эту «норму» нарушил. Или о принципе «раскручивающейся пружины» – человека «сжимают» обстоятельства, но потом он начинает «раскручиваться», подчиняя обстоятельства себе. Или о драматургической модели «посеявший ветер пожнет бурю». Во всех этих механизмах речь идет практически об одном и том же, только называются они по-разному.

Зададим себе риторический вопрос (на него, правда, пытались ответить все мудрецы мира): как отражаются на жизненном пути человека те или иные поступки, например неблагоприятные? Как отразилось, например, на жизни Тургенева его трусливое поведение во время пожара на пароходе «Николай I»? Чем отозвалось Горацию его бегство с поля боя в битве при Филиппах? Какие последствия навлекла на Маркса его юношеская поэма, прославляющая сатану? Что сдвинулось в Володе Ульянове в тот момент, когда он топтал ногами нательный крестик? Моралисты нам скажут, что сдвинулось, отозвалось и перепало. Что неблагоприятные поступки так или иначе повлияли на последующую жизнь этих исторических личностей. Но мнение моралистов меня не очень интересует. Теперь каждый – моралист и судит-рядит обо всем, исключая только себя самого.

Человек же практический, наоборот, заявит нам, что все это дрянь и досужие сплетни: Гораций как был великим поэтом, так великим поэтом и останется, бросил ли он свой щит на поле брани или нет. Со щитом или без, а все равно он вдохновлял поэтов от Пушкина до Бродского, и вообще, какое нам дело до щита?

Также и Тургенев, и Ленин с Марксом, как им была predetermined «колея», так они по ней и топали... Но нет ничего скучнее мнения «практического человека», особенно тогда, когда пишешь работу, посвященную, в общем-то, мистическому вопросу.

Я бы вообще не спешил с ответом. Тут требуется не скорый поверхностный ответ, а

дотошное вглядывание в ту или другую человеческую судьбу. Вероятно, для анализа драматургии «действительной жизни» требуется взять фигуру такого человека, о судьбе которого известно многое, чуть ли не всё, где рылись и роются архивариусы, натаскивая факты и подшивая сплетни. И поглядеть, укладывается ли эта «великая жизнь» в тот или другой драматургический механизм, независимо от воли «великого человека».

Для решения нашей непростой задачи я дерзну назвать имя Александра Сергеевича Пушкина. Во-первых, потому, что об этой жизни «всё известно» и незачем предаваться домыслам и оперировать сплетнями. Во-вторых, Пушкин есть и будет исходной точкой отечественной культуры. Создатель современного литературного языка, он еще был, по выражению Даниила Андреева, вестником миров горних, призванным, в частности, «просветить» плоскую в духовном смысле культуру французских энциклопедистов началами христианской нравственности, к которым сам поэт с трудом и потерями пришел под конец своей короткой жизни.

Однако сегодня нас будет интересовать не миссия Пушкина, а ее бытовые слагаемые, из которых мы сможем (или не сможем) проследить драматургические механизмы судьбы, не зависящие от воли самого поэта.

Заранее извинимся за количество цитат, но именно в них, а не во мнении автора книги, заключены «рифмы» и закономерности событий, сквозь которые заметен потусторонний замысел неизвестного нам Драматурга.

Итак, в который раз поговорим о Пушкине.

1.

Кажется, с финальной частью композиции под названием «Жизнь Пушкина» всё более или менее ясно. **Кульминацией и развязкой здесь являются дуэль на Черной речке и смерть поэта. Но где завязка этих событий?** Нам сразу же подскажут: прибытие Дантеса в Петербург на пароходе «Николай I», на котором впоследствии случится пожар, заставивший сильно растеряться Ивана Сергеевича Тургенева. («Странные сближения» судьбы или ее метка.)

Но у меня создается впечатление, что это все-таки не завязка, потому что рождает множество вопросов: отчего Пушкин так болезненно прореагировал на привычный ему флирт какого-то смазливого юнца? Ведь измены не было. Не было и серьезных поводов к ней. В самом начале супружеской жизни Пушкин категорически запретил Наталье Николаевне оставаться с мужчинами наедине даже в том случае, если муж сидит рядом в кабинете. Почти на всех балах, где блистала Гончарова, Александр Сергеевич бывал лично. Пушкинисты объясняют болезненность его реакции на вздор со стороны Дантеса совокупностью обстоятельств: безденежьем, тяготами света, унижительным камер-юнкерством, африканской кровью и т. д.

Если это и была завязка выстрелов на Черной речке, то писалась она создателем мыльных опер. Нет, здесь нужно идти дальше, например, найти ряд психологических обстоятельств, заставивших Пушкина принять шуту горохового всерьез.

Где их искать? Может быть, в молодых годах поэта, когда он впервые появился в Петербурге после Лицея, этак конец 10-х – начало 20-х годов. Там есть прелюбопытнейшая история, тянущая на завязку никак не меньше, чем Дантес на пароходе «Николай I»...

«Известность Пушкина и литературная, и личная с каждым днем возрастала. Молодежь твердила наизусть его стихи, повторяла остроты его и рассказывала о нем анекдоты. Все это, как водится, было частью справедливо, частью вымыслено. Одно обстоятельство оставило Пушкину сильное впечатление. В это время находилась в Петербурге старая немка, по фамилии Кирхгоф.

В число различных ее занятий входило и гадание. Однажды утром Пушкин зашел к ней с несколькими товарищами. Госпожа Кирхгоф обратилась прямо к нему, говоря, что он – человек замечательный; рассказала вкратце его прошедшую и настоящую жизнь, потом начала предсказания сперва ежедневных обстоятельств, а потом важных эпох его будущего. Она сказала ему между прочим: «Вы сегодня будете иметь разговор о службе и получите письмо с деньгами». О службе Пушкин никогда не говорил и не думал; письмо с деньгами получить ему было неоткуда; деньги он мог иметь только от отца, но, живя у него в доме, он получил бы их, конечно, без письма. Пушкин не обратил большого внимания на предсказания гадалщицы. Вечером того дня, выходя из театра до окончания представления, он встретился с генералом Орловым. Они разговорились. Орлов коснулся службы и советовал Пушкину оставить свое министерство и надеть эполеты. Возвратясь домой, он нашел у себя письмо с деньгами: оно было от одного лицейского товарища, который на другой день отправился за границу; он заезжал проститься с Пушкиным и заплатить ему какой-то карточный долг еще школьной их шалости. Госпожа Кирхгоф предсказала Пушкину его изгнание на юг и на север, рассказала разные обстоятельства, с ним впоследствии сбывшиеся, предсказала его женитьбу и, наконец, преждевременную смерть, предупредивши, что должен ожидать ее от руки высокого, белокурого человека. Пушкин, и без того несколько суеверный, был поражен постоянным исполнением этих предсказаний и часто об этом рассказывал».

Л. С. Пушкин (брат поэта)

Итак, странная немка по фамилии Церковный Двор нагадала молодому человеку вещи, которые исполнялись всю жизнь.

А что скажут на это другие свидетели?

«В Петербург раз приехала гадательница Кирхгоф. Никита и Александр Всеволодские и Мансуров Павел, актер Сосницкий и Пушкин отправились к ней (она жила около Морской). Сперва она раскладывала карты на Всеволодского и Сосницкого. После них Пушкин попросил ее загадать и про него. Разложив карты, она с некоторым изумлением сказала: «О, это голова важная! Вы человек не простой!» Т. е. сказала в этом смысле, потому что, вероятно, не знала по-русски. Слова ее поразили Всеволодского и Сосницкого, ибо, действительно, были справедливы. Она, между прочим, предвещала ему, что он умрет или от белой лошади, или от белой головы (Weisskopf)».

Писатель П. И. Бартенев

И еще одно свидетельство о том же, самое, быть может, важное.

«В многолетнюю мою приязнь с Пушкиным я часто слышал от него самого об этом происшествии, он любил рассказывать его в ответ на шутки, возбуждаемые его верою в разные приметы. Сверх того, он в моем присутствии не раз рассказывал об этом именно при тех лицах, которые были у гадальщицы при самом гадании, причем ссылался на них. Для проверки и пополнения напечатанных уже рассказов считаю нужным присоединить все то, о чем помню положительно. Предсказание было о том, во-первых, что он скоро получит деньги; во-вторых, что ему будет сделано неожиданное предложение; в-третьих, что он прославится и будет кумиром соотечественников; в-четвертых, что он дважды подвергнется ссылке; наконец, что он проживет долго, если на 37-м году возраста не случится с ним какой беды от белой головы или белого человека (weisser Ross, weisser Kopf, weisser Mensch), которых и должен он опасаться. Первое предсказание о письме с деньгами сбылось в тот же вечер; Пушкин, возвратясь домой, нашел совершенно неожиданно письмо от лицейского товарища, который извещал его о высылке карточного долга, забытого Пушкиным. Товарищ этот был Корсаков, вскоре потом умерший в Италии. Такое быстрое исполнение первого предсказания сильно поразило Александра Сергеевича; не менее странно было для него и то, что несколько дней спустя, в театре, его подозвал к себе А. Ф. Орлов и стал отговаривать его от поступления в гусары, а предлагал служить в конной гвардии... Вскоре после этого Пушкин был отправлен на юг, а оттуда, через четыре года, в псковскую деревню, что и было вторичною ссылкой. Как же ему, человеку крайне впечатлительному, было не ожидать и не бояться конца предсказания, которое дотоле исполнялось с такой буквальной точностью??? Прибавлю следующее: я как-то изъявил свое удивление Пушкину о том, что он отстранился от масонства, в которое был принят, и что он не принадлежал ни к какому другому тайному обществу. «Это все-таки следствие предсказания о белой голове, – отвечал мне Пушкин. – Разве ты не знаешь, что все филантропические и гуманитарные общества, даже и самое масонство получили от Адама Вейсгаупта направление подозрительное и враждебное существующим государственным порядкам? Как же мне было приставать к ним? Weisskopf, Weisshaupt – одно и то же».

С. А. Соболевский

Прервем наши цитаты и извинимся за их продолжительность – без них, увы, никак нельзя. В этой истории поражает не столько само исполнение гадания, сколько то значение, которое придавал ему Пушкин. Вся свою жизнь он старался угадать эту белую голову, иногда путая ее с белой лошадью, рассказывал друзьям, что каждый раз, когда он садится в седло, то навсегда прощается с жизнью. Он даже дошел до того, что спутал белую голову с белым начальником – Weisshaupt, то есть возможным главой масонства, и от этого с масонством завязал. Самым крупным «белым начальником» того времени был, безусловно, император Александр I, светловолосый и плешивый. Пушкин, как известно из эпиграмм и из десятой песни «Онегина», особенно этого царя не жаловал. Но Александр скончался (по другой версии – таинственно исчез) в конце 25-го года. Думал ли тогда Пушкин, что вместе с исчезновением «белого начальника» исчезает предсказанная гадалкой опасность его жизни? Об этом мы, конечно, не узнаем никогда...

Обращает также внимание вариантность жизни Пушкина, отмеченная в гадании: если жизнь не прервется в 37 лет, то Александр Сергеевич будет жить долго. Запомним это.

После приведенных цитат вопрос, родившийся ранее, отчего поэт не узнал в Дантесе «белую голову» и довел конфликт до кровавого конца, становится и вовсе неразрешимым. Однако кое-что мы все-таки сказать можем. Одной из причин «неузнаваемости Дантеса» был характер жизни, которую вел молодой поэт в Петербурге. Вот свидетельство недоброжелателя Пушкина графа

Корфа:

«В свете Пушкин предался распутствам всех родов, проводя дни и ночи в непрерывной цепи вакханалий и оргий. Должно дивиться, как и здоровье, и талант его выдержали такой образ жизни, с которым естественно сопрягались и частые гнусные болезни, низводившие его не раз на край могилы. Пушкин не был создан ни для света, ни для общественных обязанностей, ни даже, думаю, для высшей любви или истинной дружбы. У него господствовали только две стихии: удовлетворение плотским страстям и поэзия, и в обоих он – ушел далеко. В нем не было ни внешней, ни внутренней религии, ни высших нравственных чувств, и он полагал даже какое-то хвастовство в отъявленном цинизме по этой части: злые насмешки – часто в самых отвратительных картинах – над всеми религиозными верованиями и обрядами, над уважением к родителям, над родственными привязанностями, над всеми отношениями – общественными и семейными – это было ему нипочем, и я не сомневаюсь, что для едкого словца он иногда говорил даже более и хуже, нежели в самом деле думал и чувствовал... Вечно без копейки, вечно в долгах, иногда почти без порядочного фрака, с беспрестанными историями, с частыми дуэлями, в близком знакомстве со всеми трактирщиками, непотребными домами и прелестницами петербургскими, Пушкин представлял тип самого грязного разврата».

Граф М. А. Корф

Но это говорит недоброжелатель, что ему верить? За эти строки граф был подвергнут остракизму нашим литературоведением и выброшен на помойку истории.

Тогда послушаем, что говорят о том же друзья поэта. Говорят вообще об образе жизни тогдашней «золотой молодежи».

«После смерти отца молодой Нащокин, избалованный богатой матерью, предался свободной и совершенно независимой жизни, так что, живя на всем готовом в доме родительницы, он нанимал бельэтаж какого-то большого дома на Фонтанке для себя, а вернее, для друзей. Сюда он приезжал ночевать с ночных игр и кутежей, сюда же каждый из знакомых его мог явиться на ночлег не только один или сам-друг, но мог приводить и приятелей (не знакомых Нащокину), и одиноких, и попарно. Многочисленная прислуга под управлением карлика Карлы-головастика обязана была для всех раскладывать на полу матрацы, со всеми принадлежностями приличных постелей: парных – в маленьких кабинетах, а холостякам в больших комнатах, вповалку.

Сам хозяин, являсь позднее всех, спросит только, много ли ночлежников, потом тихо пробирается в свой рабочий кабинет. Но зато утром все обязаны явиться к кофе и чаю: тут происходят новые знакомства и интересные эпизоды... Случалось, что в торжественные дни рождения Нащокина гвардейская молодежь с красотками, после великолепного завтрака и множества опорожненных бутылок, сажали в четырехместную карету, запряженную четверкой лошадей, нащокинского Карлу-головастика с кучей разряженных девиц, а сами, сняв мундиры, в одних рейтузах и рубашках, засев на место кучера и форейтора и став на запятки вместо лакеев, летели во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всем лучшим улицам. А раз, по инициативе Пушкина, тоже в день рождения

Автор: Юрий Арабов

Нащокина, приглашают друзья его самого в собственный его приют, где при входе приготовили ему сюрприз, до того циничный, что невозможно описать».

Н. И. Куликов со слов П. Б. Нащокина

О характере этого сюрприза историки спорят до сих пор.

Привлечем еще одного свидетеля, наиболее почтенного. Это Екатерина Карамзина, супруга историка и поэта:

«Пушкин всякий день имеет дуэли; благодаря Богу, они не смертоносны, бойцы всегда остаются невредимыми».

О чем идет речь в этих отрывках и как нам их оценить? Мнение Корфа комментировать не хочется. Могу лишь заметить, что речь в нем идет, по-видимому, не о «грязном разврате», а, выражаясь языком Лермонтова, «разврате ребяческом». Рассказ о днях и ночах Нащокина подтверждает это. Вообще, с чего мы решили, что шалости панков, гранджеров и К^о явление нового времени? Карла-головастик и голые юнцы на карете, конечно же, перекрывают забавы нашего времени с головой. Особенно интересно мнение Карамзиной: каждый божий день дуэли и всё оканчиваются ничем. Наверное, с этого дуэльного времени Пушкин и завел обычай ходить с неподъемной и неудобной металлической палкой. Он подбрасывал ее вверх и ловил. На вопрос приятеля, зачем он это делает, Пушкин отвечал, что тренирует руку, чтоб она не дрожала во время дуэлей.

В отрывках, приведенных выше, речь, прежде всего, идет об игре. В частности, о странной кровавой игре под названием «дуэль». Подобная игра являлась нормой того времени, почти такой, как удовлетворение сексуальных желаний. Одним лишь понятием «дворянской чести» эту игру не объяснишь. И вообще, если дуэль есть норма, то вполне вероятно пропустить и «белую голову», стоящую по другую сторону барьера.

Или скажем иначе: игра, если ею злоупотреблять, станет в один прекрасный день очень «серьезной», и карманный ножичек, который неразумный ребенок бросает в дуб, может отскочить от коры и поразить бросающего в самое сердце. Пушкин не был ребенком, стреляясь с Дантесом. Как и его вызов не был игрой. Но **ветер, поднятый игровыми «ненастоящими» дуэлями его юности, привел, как мне представляется, к буре, к единственной серьезной дуэли на Черной речке, которую поэт проиграл.**

Шутливые выстрелы юности оборачиваются через семнадцать лет настоящей кровью. Игровые карты «завязывают» нечто такое, что развязать можно исключительно собственной жизнью.

2.

Есть в них, этих безумных картах, еще и идеологический момент. О нем почти исчерпывающе написал Лотман. Мне же интересно поразмышлять об одном психологическом казусе, из которого, на мой взгляд, вышла вся русская литература, вышла норма бытия образованного слоя людей, который впоследствии получил имя «интеллигенция».

Я хочу сослаться на один удивительный документ – неотправленное письмо Александру I, возможному кандидату в «белые головы», которое поэт написал в мае – июне 1825 года. В письме Пушкин с удивительной прямоотой объясняет характер своего поведения в великосветском Петербурге. Заметим, что жизни белой царской голове оставалось полгода, и если даже Александр I не умер в Таганроге от неизвестной болезни, а ушел странствовать по Руси, то все равно перестал существовать в качестве императора. Да и в качестве возможного противника по ту сторону барьера. Итак, предоставим слово самому Александру Сергеевичу:

«Мне было 20 лет в 1820 г. Необдуманые отзывы, сатирические стихи... Разнесся слух, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен. До меня до последнего дошел этот слух, который стал общим. Я увидел себя опозоренным перед светом. На меня нашло отчаяние, я метался в стороны, мне было 20 лет. Я раздумывал, не следует ли мне прибегнуть к самоубийству или умертвить (ваше величество). В первом случае я только бы подтвердил разнесшуюся молву, которая меня бесчестила; во втором – я бы не мстил за себя, потому что прямой обиды не было, а совершил бы только преступление и пожертвовал бы общественному мнению, которое презирал, человеком, внушавшим мне уважение против моей воли. Таковы были мои размышления. Я сообщил их другу, который был совершенно моего мнения. Он мне советовал попытаться оправдаться перед властью, я чувствовал бесполезность этого. Я решил высказывать столько негодования и наглости в своих речах и своих сочинениях, чтобы наконец власть вынуждена была обращаться со мною, как с преступником. Я жаждал Сибири или крепости, как восстановления чести».

Автор: Юрий Арабов

Что-то удивительно знакомое слышится в этих речах. Что-то поразительно узнаваемое таится в выведенной формуле: человек, чтобы спасти свою честь, должен стать преступником. Ба! Да ведь перед нами Достоевский, его герой, его тема... Например, Раскольников, убивающий старуху-процентщицу в доказательство своих прав. Смердяков, пристукивающий отца из-за того бесправия и грязи, в которых он находится. Ведь это всё о чести. Или о том, как понимает честь русский человек.

Пушкин, конечно же, не Смердяков и не Раскольников. Но настроение это, изложенное в неотправленном письме, отзовется потом и в знаменитой угрозе «горделивому истукану»: «Ужо тебе!..», и в самочувствии народовольцев, особенно в их действиях, и во многом другом... Достоевский, по-видимому, не знал о неотправленном письме. Но его настроение гениально почувствовал, «схватил», как верткого зверька. Были эти настроения и внутри самого Федора Михайловича. Да и внутри любого русского человека.

Преступление восстанавливает честь преступника... Мы до сих пор не можем развязать этого узелка, размотать сию ниточку.

Другая важная завязка, приведшая к известным событиям в конце жизни, – характер любовных отношений молодого Пушкина. Например, во время его первой ссылки на Юг, в частности в Кишинев.

«В своих любовных похождениях Пушкин не стеснялся и одновременно ухаживал за несколькими барышнями и дамами. Однажды он назначает в одном загородном саду свидание молодой даме из тамошней аристократической семьи. Они сошлись на месте свидания. Вдруг соседние кусты раздвигаются, и оттуда выскакивает смуглая цыганка с растрепанными волосами, набрасывается на даму, сваливает ее наземь и давай колотить. Пушкин бросился разнимать их, но усилия оказались тщетными. Он выхватывает из виноградника жердь и начинает колотить цыганку. Она оставила свою жертву и бросилась было на Пушкина, но, опомнившись, отшатнулась и важною поступью ушла прочь. Благодаря посторонним людям, подоспевшим к этой истории, весть о ней быстро разнеслась по городу. Пушкин целые две недели после этого не показывался в городе и заперся дома. Дама сильно заболела, и ее увезли за границу.

Любимым занятием Пушкина была верховая езда; бывали дни, когда он почти не слезал с лошади... Проезжая однажды по одной из многолюднейших улиц (Харлампиевской), Пушкин увидел у одного окна хорошенькую головку, дал лошади шпоры и въехал на самое крыльцо. Девушка, испугавшись, упала в обморок, а родители ее пожаловались Инзову. Последний за это оставил Пушкина на два дня без сапог. Затем Пушкин в эту же часть города очень часто появлялся в самых разнообразных и оригинальных костюмах. То,

Автор: Юрий Арабов

бывало, появляется он в костюме турка – в широчайших шароварах, в сандалиях и феской на голове, важно покуривая трубку, то появится греком, евреем, цыганом и т. п. Разгуливая по городу в праздничные дни, он наткался на молдованские хороводы и присоединился к ним, не стесняясь присутствующими, которые, бывало, нарочно приходили «смотреть Пушкина». По окончании плясок он из общества молдован сразу переходил в общество «смотревших» его лиц образованного класса, которым и принимался с восторгом рассказывать, как весело и приятно отплясывать «джок» под звук молдавской «кобзы».

Со слов кишиневских старожилов

Из этого текста мы видим, что гротески и «апокрифы» Даниила Хармса имеют под собой хорошо известную основу. Хармс в своей «пушкинаде», в общем-то, был плагиатором-фольклористом, опиравшимся на традицию, идущую из первой трети XIX века.

Но если считать приведенное мнение «старожилов» фольклором и вымыслом, то все же следует заметить, что вымысел этот имел под собою некоторые основания. Как признавался поэт в одном из писем, Н. Н. Гончарова была его 113-й страстью. Это не считая, по-видимому, случайных и публичных женщин.

Из-за очередной страсти, на этот раз к супруге своего покровителя генерал-губернатора Новороссийского и Бессарабского графа Воронцова, Пушкин лишается его расположения и выгоняется из Одессы вон. Многие современники считали причиной этого исключительно «холодный цинизм» графа-англомана. Чтобы согласиться (или не согласиться) с этим, давайте послушаем мнение самого Воронцова.

«С Пушкиным я говорю не более четырех слов в две недели, он боится меня, так как знает прекрасно, что при первых дурных слухах о нем, я отправлю его отсюда и что тогда уже никто не пожелает взять его на свою обузу; я вполне уверен, что он ведет себя много лучше и в разговорах своих гораздо сдержаннее, чем раньше, когда находился при добром генерале Инзове, который забавлялся спорами с ним, пытаясь исправить его путем логических рассуждений, а затем позволял ему жить одному в Одессе, между тем как сам оставался жить в Кишиневе. По всему, что я знаю на его счет и через Гурьева, и через Казначеева, и через полицию, он теперь очень благоразумен и сдержан; если бы было иначе, я отослал бы его и лично был бы в восторге от этого, так как я не люблю его манер и не такой уж поклонник его таланта, – нельзя быть истинным поэтом, не работая постоянно для расширения своих познаний, а их у него недостаточно».

Гр. М. С. Воронцов – П. Д. Киселеву, 6 марта 1824 года

Согласимся, что отзыв, в целом, корректный. А вот для сравнения известный отзыв самого Александра Сергеевича на своего начальника:

Полу-милорд, полу-купец,

Полу-мудрец, полу-невежда,

Полу-подлец, но есть надежда,

Что будет полным наконец.

Говорили также, что Пушкин был изгнан из Одессы из-за неудачи экспедиции по истреблению саранчи, в какую и был определен на исправительные, так сказать, работы. Можно думать, что подобная экспедиция доставила Александру Сергеевичу много радости. Вот его отчет, поданный графу: «Саранча летела, летела и села. Сидела, сидела – всё съела. И вновь улетела».

Но сколько бы ни гадали современники о причине холодной вражды между Воронцовым и Пушкиным, для нас, потомков, этот вопрос более или менее ясен благодаря усилиям пушкинистов – главной причиной удаления Александра Сергеевича из Одессы был его флирт с супругой губернатора.

Точно на такой же флирт более чем через десять лет пустится другой обаятельный молодой человек, чье остроумие могло поспорить с пушкинским, – Жорж Дантес. Только объектом флирта будет не графиня Воронцова, а Н. Н. Гончарова...

Драматурги прекрасно знают этот «переворот» – посеявший ветер пожинает бурю. Беда для Пушкина была лишь в том, что эта буря оказалась для него последней. Я сейчас говорю не о том, что в ситуации с дуэлью на Черной речке повинен Пушкин. Нет, вина здесь целиком лежит на Геккеренах, старшем и младшем, – это не новость. Я говорю лишь о том, что очень часто наши собственные «невинные» поступки против других людей, совершённые давным-давно, вдруг оборачиваются против нас самих, возвращаясь увеличенными в десятки раз. Чтобы доказать это, я и привлек сегодня скорбную тень Пушкина.

Есть в этой великой жизни еще одна «завязочка», едва ли не самая тяжелая, отозвавшаяся впоследствии самыми роковыми обстоятельствами. Я говорю о религиозных воззрениях молодого Александра Сергеевича.

Один из приятелей в начале 20-х годов застал его за чтением какой-то книги. «Что читаешь?» – спросил он у Пушкина. «Историю одной статуи», – ответил Александр Сергеевич. Приятель заглянул в заглавие. Оказалось, что Пушкин читает Евангелие.

По-видимому, это была подготовка к написанию «Гавриилиады». Пушкин читал Евангелие глазами Вольтера, а переписал его рукою Парни. И этим намного превзошел обоих. Потом, испугавшись последствий, лихорадочно начал истреблять списки поэмы. Но она, как птица Феникс, постоянно возникала из небытия и требовала от сочинителя все новых объяснений с начальством. Александр Сергеевич говорил, что поэму написал не он, что еще в лицейские годы у многих ходила она по рукам...

Но это была неправда. Автор «Гавриилиады» явился именно Пушкин. Кстати, культ, созданный вокруг него в советские годы, частично объясняется еще и тем, что в наследии поэта оказалось это произведение, перед которым меркли даже атеистические стишата Бедного Демьяна. Вернее, в этом случае учителем Бедного выступал непосредственно Александр Сергеевич.

В общем, из «истории одной статуи» вышла такая клюква, да еще и приправленная неистовым эросом, что рядом с ней, во всяком случае в русской словесности, нечего поставить. Разве что газету «Еще».

4.

Одному монаху в середине прошлого столетия ¹ привиделся Пушкин, опаленный темным пламенем, скорбный и подавленный, как и положено в геенне. Однако другой великий духовидец прошлого Даниил Андреев утверждал, что лично видел Александра Сергеевича в Синклите России – одном из метафизических слоев просветленных душ. Там Пушкин выступал как «ярчайшая звезда».

Я больше доверяю Андрееву. Но, думаю, сам автор «Гавриилиады» не мог не чувствовать неких роковых последствий сочинения этой «поэмы», в частности, его упорное от нее отнекивание было вызвано, конечно, не только причинами практическими.

Гений от не гения отличается как раз тем, что первый может в иные минуты чувствовать свою судьбу, прозревать далекие последствия, таящиеся в будущем, от действий, произведенных в полузабытом прошлом. И тогда провидец пытается эти следствия изменить, «перезавязав» завязки, уничтожив причины... На мистическом языке это называется «сменой кармы». Мне представляется, что необходимость подобных «новых завязок», перечеркивающих старые, пришла к Пушкину в Михайловском, во время так называемой его «второй ссылки», по терминологии гадалщицы Кирхгоф.

В теории драматургии есть понятие «золотого сечения» по отношению к композиции того или другого художественного произведения. Понятие это пришло из математики. В драматургии оно связывается чаще всего с некой точкой покоя где-то в середине композиции, в которой действие как бы останавливается. «Середина» берется условно. Если выразаться более точно, то «остановка» делит композицию художественного произведения в соотношении одной трети к двум третям или двух третей к одной трети... Это, на первый взгляд, кажется заумным и сложным. Но взгляните в композицию жизни Пушкина, и вы убедитесь, что те два года, которые поэт провел «в деревне», как раз и делят его жизнь в соотношении двух третей к одной трети.

Но это так, к слову... Любой литературовед вам объяснит, что в Михайловском муза Пушкина стала другой, более зрелой, «серьезной». Да и сама жизнь поэта, лишенная светских увеселений, претерпела существенные изменения – он стал больше читать и писать, безумные романы сменились дружескими беседами, дуэли – уединенными размышлениями о себе и своем будущем.

Я не знаю, насколько осознанно поэт решил сменить парадигмы своего существования. Но то, что во время и после Михайловского он стремится «перезавязать» старые завязки, для меня несомненно.

Мы уже рассмотрели их, теперь разберемся в новых, а главное, в вопросе, что Александру Сергеевичу удалось изменить. И вообще, удалось ли...

Итак, завязка первая под условным названием «Пушкин и власть». Припомним его «теорию» преступления, смывающего бесчестие, и обратимся к завязке «новой», но на эту же тему.

«Всемиловейший государь! В 1824 году, имев несчастье заслужить гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме, я был выключен из службы и сослан в деревню, где и нахожусь под надзором губернского начальства. Ныне с надеждой на великодушие вашего императорского величества, с истинным раскаянием и твердым намерением не противоречить моими мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпиской и честным словом) решился я прибегнуть к вашему имп. вел-ву с просьбою: здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляя свидетельство медиков, осмеливаюсь всеподданейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края.

Всемиловейший государь, вашего императорского величества верноподданный Александр Пушкин. (Приложено обязательство):

Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сем, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них».

10-го класса Александр Пушкин, 11 мая 1826 года

Итак, главный шаг к побегу из Михайловского сделан. Однако была еще попытка до этого, пришедшаяся на начало зимы 25-го, попытка не только неудавшаяся, но и отмеченная очередной «черной меткой» судьбы. Эта метка, в отличие от случая с гадалкой Кирхгоф, вошла, кажется, даже в школьные учебники, во всяком случае, я слышал о ней во времена средней школы.

«Известие о кончине императора Александра I и происходивших вследствие одного колебаний о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 декабря. Пушкину давно хотелось увидеться с его петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строгого внимания на его непослушание, он решился отправиться в Петербург...

Он положил сперва заехать на квартиру Рылеева и от него застаться сведениями. Итак, Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же он едет проститься с тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути, из Тригорского в Михайловское, – еще раз заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белой горячкой. Распоряжение поручается другому. Наконец, повозка заложена, трогаются от подъезда. Глядь, в воротах встречается священник, который шел проститься с отъезжающим барином. Всех этих встреч не под силу перенести суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне».

М. Л. Погодин

Сам Пушкин трактовал эти предупреждения как спасение от известных событий на Сенатской площади, в которых предположительно мог принять участие он сам. То, что перед нами знамения, – нет сомнений. Сомнения возникают лишь в толковании. На мой взгляд, здесь речь идет о чем-то большем, о том, например, что Пушкину вообще не надо было покидать Михайловское ни под каким видом.

Но Александр Сергеевич все-таки попадает в одну из столиц (Москву) в сентябре 26-го года после своего прошения на Высочайшее имя. И привозит его туда специальный посланник нового русского царя Николая Павловича.

Итак, «новая завязка» в жизни великого поэта вот-вот состоится. Но вслушаемся в рассказы современников. Ощущение некой фальши и сбоев присутствует в каждом из них.

«Небритый, в пуху, весь измятый, был он представлен дежурному генералу Поталову и с ним вместе поехал тотчас же во дворец, в кабинет государя. К удивлению Ал. С-ча, царь встретил поэта со словами:

– Брат мой, покойный император, сослал вас на жительство в деревню, я же освобождаю вас от этого наказания, с условием ничего не писать против правительства.

– Ваше величество, – ответил Пушкин, – я давно ничего не пишу противного правительству, а после «Кинжала» и вообще ничего не писал.

– Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири? – продолжал государь.

– Правда, государь, я многих из них любил и уважал и продолжаю питать к ним те же чувства!

Автор: Юрий Арабов

– Можно ли любить такого негодяя, как Кюхельбеккер, – продолжал государь. – Мы, знаяшие его, считали всегда за сумасшедшего, и теперь нас может удивлять одно только, что и его с другими, сознательно действовавшими и умными людьми, сослали в Сибирь!

– Я позволяю вам жить где хотите, пиши и пиши, я буду твоим цензором, – кончил государь и, взяв его за руку, вывел в смежную комнату, наполненную царедворцами. – Господа, вот вам новый Пушкин, о старом забудем».

Н. И. Лорер со слов Л. С. Пушкина

А теперь дадим слово самому Александру Сергеевичу:

«Всего покрытого грязью меня ввели в кабинет императора, который сказал мне: «Здравствуй, Пушкин. Доволен ли ты своим возвращением?» Я отвечал, как следовало. Государь долго говорил со мною, потом спросил:

– Пушкин, принял бы ты участие в 14 декабря, если б был в Петербурге?

– Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем. Одно лишь отсутствие спасло меня, за что я благодарю Бога!

– Довольно ты подумался, – возразил император, – надеюсь, теперь будешь рассудителен, и мы более ссориться не будем. Ты будешь присылать ко мне все, что сочинишь; отныне я сам буду твоим цензором».

Пушкин в передаче Л. С. Хомутовой

И последний рассказ об исторической встрече из уст «недоброжелателя», с которым мы уже сталкивались на страницах этого грустного повествования:

«Однажды за небольшим обедом у государя, при котором и я находился, было говорено о Пушкине. «Я, – говорил государь, – впервые увидел Пушкина после моей коронации, когда его привезли из заключения ко мне в Москву совсем больного и покрытого ранами – от известной болезни.

– Что сделали бы вы, если бы 14 декабря были в Петербурге? – спросил я его между прочим.

– Стал бы в ряды мятежников, – отвечал он.

На вопрос мой, переменился ли его образ мыслей и дает ли он мне слово думать и действовать иначе, если я пушу его на волю, он наговорил мне пропасть комплиментов насчет 14 декабря, но очень долго колебался прямым ответом и только после длинного молчания протянул руку, с обещанием – сделаться другим».

Граф М. А. Корф

Есть еще несколько рассказов об этой исторической беседе, но они все о том же, за исключением упоминаний об «известной болезни», которую мы оставляем на совести то ли Корфа, то ли императора Николая Павловича. Пора, как говорится, сверить стрелки.

Мы видим, что «новая завязка» линии «я и власть» удается Пушкину не вполне. С одной стороны, поэт прощен, с другой – он колеблется в отречении от старых друзей, чем вызывает неудовольствие августейшей особы. Кроме того, за Александром Сергеевичем устанавливается свехопека в лице цензора – Николая I, – это и честь, и новое стеснительное обстоятельство. Существует еще короткий рассказ о том, что Пушкин перед встречей с императором потерял на лестнице дворца черновик послания к декабристам и только на обратном пути, выходя из кабинета, нашел...

Автор: Юрий Арабов

Но главное противоречие заключено в самих помыслах опального поэта, они дwoятся, и угадать их не столь уж просто. Вот один прелюбопытнейший документ, написанный Пушкиным незадолго до встречи с императором:

«Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь. Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели, то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно. Услышишь, милая, в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится, – ай да умница! Прощай!»

Пушкин – кн. П. А. Вяземскому

Странно думать, что, может быть, вся эпопея примирения, все старания с «новой завязкой» затеяны только для того, чтобы посетить парижские бордели.

Естественно, если все начатое – двусмысленность, если в начале взаимоотношений положена в основу неискренность, то и продолжаться эти отношения будут «странно»: натянуто, неровно, постоянно уязвляя самолюбие обеих сторон.

Пушкин будет стеснен цензурством Николая. очередным ударом по его самолюбию станет камер-юнкерство, пожалованное поэту «естественным образом», то есть без нарушения формальных правил продвижения по службе. Всякое вольное слово в перлюстрированных жандармами пушкинских письмах будет, в свою очередь, раздражать царя. И полной уже изменой со стороны Пушкина он посчитает просьбу об отставке со службы после женитьбы на Н. Н. Гончаровой.

В итоге эта «новая завязка» линии «я и власть» окажется ложной или псевдозавязкой. Она не сможет «укрепить» ранее расшатанные отношения и только усугубит их, вылившись в полную уже фантазмагорию : распоряжение Николая I о том, чтобы Бенкендорф предотвратил дуэль, выполнится сверхдвусмысленно – Бенкендорф пошлет жандармов в противоположную от Черной речки сторону.

Теперь рассмотрим «новую завязку» линии – «я и женщины», на которую решился поэт после Михайловского. Я говорю о женитьбе, которая в идеале должна была «перебить» следствия беспутной жизни Пушкина в молодости. Я не буду останавливаться на многочисленных сватовствах поэта – это дело историков. Напомню лишь еще одну «метку судьбы», сделанную Пушкину во время венчания с Н. Н. Гончаровой.

«Во время обряда Пушкин, задев случайно за аналой, уронил крест; говорят, при обмене колец одно из них упало на пол... Поэт изменился в лице и тут же шепнул одному из присутствующих: «tous les mauvais augures!» (все это плохие знаки)».

Рус. стар., 1880

А вот свидетельство княгини Долгоруковой:

«Во время венчания нечаянно упали с аналоя крест и Евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка...»

Кн. Е. Л. Долгорукова по записи Бартенева

В очередной раз кто-то «сверху» предупреждает поэта о вероятной тщетности «новой завязки».

Но дело, конечно, не в упавшем кресте. Несмотря на то, что Пушкин боготворил свою жену, прежняя «страстность» природы давала, по-видимому, себя знать. Молва того времени утверждала, что Пушкин был страстно влюблен в сестру своей жены Александру Николаевну Гончарову и даже был с ней близок.

«Александра была некрасивая, но весьма умная девушка. Еще до брака Пушкина на Nathalie, Alexandrine знала наизусть все стихотворения своего будущего зятя и была влюблена в него заочно. Вскоре после брака Пушкин сошелся с Александринною и жил с нею. Факт этот не подлежит сомнению. Александрина сознавалась в этом г-же Полетике».

Кн. А. Б. Трубецкой

С госпожой Полетикой мы еще столкнемся – у отвергнутой Пушкиным поклонницы были все основания наводить на него напраслину. Но следующий эпизод, не подлежащий сомнению, косвенно подтверждает этот слух:

«Княгиня Вяземская сказывала мне, что раз, когда она на минуту осталась с умиравшим Пушкиным, он отдал ей какую-то цепочку и просил передать ее от него Александре Николаевне (Гончаровой). Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот загробный подарок, вся вспыхнула, что и возбудило в княгине подозрение».

П. И. Бартев – П. Е. Щеголеву

Вяземская не была недоброжелателем Пушкина, ей можно доверять. Но будем осторожными, мы ведь пишем не «тайные дневники Пушкина». Можно лишь сказать, что несомненным фактом является увлечение поэта Александриной, душевная привязанность между ними.

Однако факт влюбленности Пушкина «на стороне» подтверждает и сама Наталья Николаевна Гончарова. Через много лет она объяснит, отчего принимала ухаживания Дантеса:

«Ухаживание Геккерена (младшего) сначала забавляло меня, оно льстило моему самолюбию, первым побуждением служила мысль, что муж заметит новый шумный успех и это пробудит его остывшую любовь».

Да и со многими женщинами Пушкин в присутствии жены обращался так, чего другим, в том числе и Дантесу, никогда не прощал.

«Идалия Григорьевна Полетика заявляет большую нежность к памяти Натальи Николаевны. Она рассказывает, что однажды они ехали в карете и напротив сидел Пушкин. Он позволил себе схватить ее за ногу. Нат.Ник. пришла в ужас, и потом по ее настоянию Пушкин просил у нее прощения».

П. И. Баргенов

Тяжело все-таки быть гением. Каждое слово, каждый невинный жест к истории пришьют и обсуждать будут в нелепых статьях... Если прибавить к этому постоянное безденежье, огромные долги, потому что балы, на которых блистала Гончарова, требовали солидных затрат, то **следует признать, что и вторая завязка с женьбой явилась завязкой ложной, лишь усугубившей и без того нелегкие следствия в последней четверти жизни**

Но была еще попытка по новой завязать и «третью линию» – отбросить атеизм с французским привкусом и постепенно войти в лоно православия. В ряде предсмертных стихотворений Пушкина явственно звучит тема Христа: «Как с древа сорвался предатель-ученик...», «Отцы-пустынники и жены непорочны...». Особенно беспрецедентна приписка Пушкина к стихотворению «Пора, мой друг, пора...»:

«Юность не имеет нужды в at home (домашнем очаге), зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен кто находит подругу – тогда удались он домой. О скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтич. – семья, любовь etc. – религия, смерть».

Духовник, исповедовавший поэта перед смертью, скажет потом, что точно такой же кончины желал бы для себя... Приведенный отрывок интересен еще и тем, что Пушкин, по-видимому, воспринимает религию чисто эсхатологически, то есть она для него расположена в одной точке со смертью отдельной личности и, может быть, всего мироздания в целом.

Но постоянно воскресавшая из пламени «Гавриилиада» (это про нее, кажется, сказано, что рукописи не горят) сводила эти попытки нового мироощущения на нет, во всяком случае, в глазах властей. Сколько бы поэт ни лукавил, ни отрекся бы от написанного, но это был явно тот случай, когда написанное пером нельзя было вырвать и топором.

«В июне 1828 года три дворовых человека отставного штабс-капитана Митькова подали Петербургскому митрополиту Серафиму жалобу, что господин развращает их в понятиях православной веры, прочитывая им некоторое развратное сочинение под названием «Гавриилиада». 4 июля Митьков был арестован».

Может быть, именно из-за этой скверной истории митрополит Серафим через девять лет откажется хоронить тело Пушкина, объясняя это тем, что «самоубийц хоронить нельзя».

Кажется, это было первое мнение современников о пушкинской дуэли как самоубийстве. Потом это мнение утвердилось постепенно у части наших историков и литературоведов. Однако автором мнения был митрополит Петербургский Серафим и... Геккерен-старший, режиссировавший интригу против Пушкина.

«Жоржу (Дантесу) не в чем себя упрекнуть; его противником был безумец, вызвавший его без всякого разумного повода; ему просто жизнь надоела, и он решился на самоубийство, избрав руку Жоржа орудием для своего переселения в другой мир».

Барон Геккерен-старший – госпоже Дантес, 29 марта 1837 г.

Митрополит Серафим и дипломат Геккерен бесконечно далеки друг от друга как социально, так и духовно. Однако мнения их о случившемся идентичны. На мой взгляд, это, скорее, доказывает ту сумятицу и хаос, которые поселились в головах современников после дуэли, – никто ничего не понял.

И здесь мы подходим к основному мистическому моменту, ради разгадки которого и затеяна эта работа.

Приведу два уникальных документа. Один из них – мнение свидетеля трагедии, находившегося с Пушкиным в дружеских отношениях. Другой – отзыв участника дуэли через пятьдесят лет после нее.

«Пушкин был прежде всего жертвою (будь сказано между нами) бестактности своей жены и ее неумения вести себя, жертвою своего положения в обществе, которое, льстя его тщеславию, временами раздражало его, жертвою своего пламенного и вспыльчивого характера, недоброжелательства салонов и, в особенности, жертвою жестокой судьбы, которая привязалась к нему, как к своей добыче, и направляла всю эту несчастную историю».

Кн. П. А. Вяземский – кн. О. Л. Долгоруковой, 7 апр. 1837 г.

Как мы видим, в этом мнении чрезвычайно интересно последнее высказывание о «жестокой судьбе», которая привязалась к поэту. Высказывание это, вероятно, родилось из-за того, что сам Вяземский отлично понимал недостаточность аргументов, состоящих из «общих мест»: бестактность жены, недоброжелательство салонов и т. д. Такие аргументы не устраивали даже современников, которые «ничего не понимали», так отчего же они устраивают наших пушкинистов?

Но слово все-таки произнесено: жестокая судьба... Что скрывается за ней? А может быть, и кто?..

Сейчас слово возьмет непосредственный участник дуэли, который поставит все точки над «i».

«За несколько лет перед тем (1880 г.) В.Д. Давыдов (сын поэта Дениса Давыдова) был в Париже. Приехав туда, он остановился в отеле, где всякий день ему встречался совершенно седой старик большого роста, замечательно красивый собой. Старик всюду следовал за приезжим, что и вынудило Василия Денисовича обратиться к нему с вопросом о причине такой назойливости.

Незнакомец отвечал, что, узнав его фамилию и что он сын поэта, знавшего Пушкина, он долго искал случая заговорить с ним, причем, рекомендовавшись бароном Дантесом-Геккереном де Бревеардом, объяснил Давыдову, будто бы он, Дантес, и в помышлении не имел погубить Пушкина, а напротив того, всячески старался примириться с Александром Сергеевичем, но вышел на поединок единственно по требованию усыновившего его барона Геккерена, кровно оскорбленного Пушкиным. Далее, когда соперники, готовые сразиться, стали друг против друга, а Пушкин наводил на Геккерена пистолет, то рассказчик, прочтя в исполненном ненависти взгляде Александра Сергеевича свой смертный приговор, растерялся и уже по чувству самосохранения предупредил противника и выстрелил первым, сделав четыре шага из пяти, назначенных до барьера. Затем, будто бы целясь в ногу Александра Сергеевича, он, Дантес, «страха ради» перед беспощадным противником, не сообразил, что при таком прицеле не достигнет желаемого, а попадет выше ноги. «Le diable s'en est mêlé» (черт вмешался в дело), – закончил старик свое повествование, заявляя, что он просит Давыдова передать это всякому, с кем бы его слушатель в России не встретился».

Л. Н. Павлищев

Если это и легенда, то выдумана она «по делу» и бьет в самую точку. Перед нами, собственно говоря, послание всей России, «всякому», кому интересны истинная подоплека событий на Черной речке, истинный режиссер, «вмешавшийся в дело» и доведший это «дело» до блестящего финала, так что плач и аплодисменты не смолкают до сих пор.

Автор: Юрий Арабов

Поражает, конечно, наивность грешного старика Жоржа. Кого в России интересует черт? В месте, где сатана правит бал, все поголовно атеисты и черта считают предрассудком, сказками «седой старины». Пусть и в церкви в конце прошлого века ² (когда написаны приведенные выше строки) еще ходят и на углы крестятся. Но уже с Запада поднимается грозный «призрак коммунизма», который в своих выкладках будет оперировать чем угодно, только не чертями.

Поражаясь наивности престарелого сенатора Дантеса, отстал старик от жизни, ничего не понимает...

Обычно говорят, что Дантес после дуэли не чувствовал никакого раскаяния да и в последующей жизни после России был «счастливым и глупым». Приведенное выше воспоминание опровергает подобную точку зрения. И кто внял словам старика здесь, в России?

Кажется, только один человек. Хотя, я думаю, документ этот был ему незнаком. Этот человек – Даниил Андреев. В «Розе Мира» он утверждает, что Дантес неосознанно исполнил темную миссию самого Гаггунгра (планетарного демона, сатаны по-нашему). После Пушкина уже в двадцатом веке он

(при очередном воплощении) погубил еще одно крупное дарование, на этот раз неизвестное широкой публике. В двадцать первом веке погубит еще одно, для себя последнее, и «будет выброшен из нашей брамфатуры» ² «КМ-1991».

Поражаясь тому, что Дантес в рассказе Давыдова как бы понимает это, знает истинного значения кровавых событий. Черт – существо мистическое, но просто так к любому не прилипает. Тут нужно сделать ему как бы открытку, чтобы судьба, по выражению Вяземского, нечая не терзала тебя и гнуть, как дичь... Иск. выразило, какой драматургии, качество развития зависит от качества заводов и начала осязательных линий.

Знал ли, догадывался ли Александр Сергеевич о том «качке», который на него нависает? Знал. Более того, его ожидание предсказанной революции в последние годы становится эстетическим и страстным.

Автор: Юрий Арабов

«Когда я возвращался летом в Москву, и спросил Соболевского: «Какая могла быть причина, что Пушкин, оказавший мне столь много признаний, написал на меня такую злую и язвительную?» (-Пушк. завист, ссора трезвеет...), Соболевский ответил: «Вам покажется странным мое объяснение, но это судья правды: у Пушкина всегда была страсть выпить в бунт, и он обращался ко всякого рода гвардейцам. Одна из них предостерегла его, что он должен остерегаться высокого белокурого молодого человека, от которого придет ему смерть. Пушкин довольно суеверен, и потому, как только случай сведет его с человеком, имеющим сияющую окраску, ему сейчас приходит на мысль испугать, не этот ли человек? Он даже старается раздражать его, чтобы скорее кончить свою судьбу. Так случается и с вами, хотя Пушкин и был очень расположен».

А. Н. Муравьев

К этому трудно что-либо добавить.

с.

Эта глава написана в качестве примечания и будет короткой.

Платон мне рад как говорил Бутковский Володя, картин просто так никому на голову не свалится. То же можно сказать и о «жесткой судьбе» по Вяземскому – «табы она «пришлась», нужны веские причины, нужна та «открытость», которая делает человека приемной для различных инфернатных тварей.

Но так, где есть полусторонней рагули, там и светлые силы действуют более явно, более открыто.

Юрий Арабов: Сценарий жизни Пушкина /Из книги «Механика судеб»/ - Журнал «Переход»

Автор: Юрий Арабов

В окружении Пушкина персонажи «второго плана» заметна довольно странная закономерность, которую я не беру, так как не понимаю, что она означает. Я только называю ее и этим ограничусь.

В пушкинские остался небольшой рассказ о том, как однажды Александр Сергеевич во время пребывания на Кавказе зашел в расположенные артиллерийской багратиона. «Это вы завод?» - спросил его командир. - «Сочинить Пушкин». - «Ум!» - закричал офицер и отдал команду. - Салют в честь господина Пушкина! И пушки застрелили, чем, видимо, переломали заткнутые горы.

История сочинила имя бравого артиллериста - офицер Григорий.

Через несколько лет после этого незапланированного салюта он ушел со службы и живет в небытие... А потом, в начале 50-х, П. И. Арцыбашев записывает интересный рассказ Николая Васильевича Гоголя. Гоголь будет говорить о том, как он любит бывать в Оптиной Пустыни. - Там у меня есть человек, которого я очень люблю... Я люблю знаю и настоящие, отец Мисюк. - «Кто же этот друг ваш?» - «Николай Григорьев (Григорий), дворянин,

который был прежде артиллерийским офицером, а теперь оказался уединенным и благочестивым монахом и говорит, что никогда не был так счастлив, как в монастыре. Он славный человек и настоящей христианской души его также датским, светским, прощай!»

Этим другом Гоголя и был тот самый артиллерист, который зашел в часть Пушкина салют. Теперь он находился в Оптиной Пустыни. Интересно, что и сам Гоголь, еще один человек из пушкинского окружения, тоже ушел в монастырь, но, так сказать, внутри себя...

Рядом с Пушкиным была и еще одна фигура с аналогичной судьбой - князь Гагарин. Ряд пушкинистов считает его самым ярким надоброжелателем поэта, вступившим в авантюру с полковником А. С. приглашения от «ордена рококо». В частности, бумага, на которой было написано приглашение, находилась на столе князя - это то-то видел и рассказывал. Сам Гагарин энергично отрицал свою причастность к писанию, заявляя, что его написал не

принадлежащий князь бумага другой человек.

Автор: Юрий Арабов

После гибели Пушкина связь прервал. И описался, как и Григорий, в далеком монастыре, но не в России, а в Италии. Казнь, оказывается, принял католичество, стал акушером и трудился теперь на славу оракула в провинциальной глуши.

И еще один человек из пушкинского окружения, но гораздо более заметный. А именно Петр Фёдорович Чаадаев, блестящий гуард и основоположник русской светской философии. Стоял от света, он также принимает католичество и «душою делал» себя, в то время как Пушкин борется с миром...

Что это, цепь случайностей или некая закономерность, еще одна «мелкая судьба»? Я не знаю.

6.

А теперь пришла моя пора кончиться трагической развязке великой жизни – драме и смерти Пушкина. Писать об этом трудно еще и потому, что развязка эта знакома каждому с детства. Тут можно только повторить раз за разом и вложить пером/голосом «Пугиб поэт, несколько мест...», составивши, кстати, из общих мест. Но, как говорится, кто может, пусть сделает лучше.

Сначала мне потребовалось сориентироваться хоть вкратце в главных действующих лиц трагического финала. Начнем с Жюльетты Дельес.

Пушкинисты обычно изображают Геккеренса изданным непроходимым полководцем, этики жеребца, забравшимся в цветник пушкинской жизни, тисом пошлым, недалеким, самолюбивым и злым. Что-то в этом мнение оправдалось, но многое отягчало лишь на эскадре ослепленного национального чувства и некая не сходится с оставшимися от тех событий документами. То, что я не проанализировал, доказывает один простой факт: Дельес в первый

встреча поправляет Александру Сергеевну Пушкину:

«Красивой наружности, ловкой, веселый и забавный, болтливый, как все французы, Дельес был велик приятен дружески, поправляет даже Пушкину, которому дал прозвище Рыба в той риве (рыбачушный лаваш), когда однажды тот пришел на бат с женою и ее двумя сестрами. Скоро он страстно влюбился в г-жу Пушкину. Наталья Николаевна, быть может, немного прокутая сим новым обожанием, наварив на то, что искренно любила своего

мужа, до такой степени, что даже была очень ревнива, эти из неосторожного клеветы, казалось, приняла во внимание Дельес с удовольствием. Муж это заметил, было довольно обидно, но дамы легко забывают данные обещания супругам, и Наталья Николаевна снова принимала приглашение Дельеса на долгие танцы, что доставляло ей mucha хериде браня».

Н. М. Смирнов. Из писем к автору

Есть и другие свидетельства, доказывающие, что Пушкин имел к Дантесу в начале его появления в Петербурге некоторый интерес и расположение. Косвенное доказательство этому – тот факт, что Геккерри-младший беспрестанно бывал дома у поэта. Ситуация вне расположения неминуема. Фаддей Булгарин, надо заметить, не мог обо этом промолчать. Между двумя людьми постепенно завязались дружные отношения.

«В 1835 и 1836 годах барон Геккерри и усматриваемый им барон Дантес часто посещали дом Пушкина и дома Кавказского и князя Вяземского, где Пушкины были, как свои».

К. К. Дантес по запискам А. Аммосова

А вот еще одна характеристика «благословенного Хорки»:

«Он был столь же ласков (грушевид), как и умен человек, но обладал особенно злым языком, от которого и мне доставалось, его остроты вызывали у молодых офицеров смех».

Ген. Р. Е. Гринвальд, Записки

Автор: Юрий Арабов

Кого-то действительно напугивают эти рассказы о замечном остроумце, вызывающем восторг молодежи. Будто речь идет не о Дантесе, а о молодом Пушкине. Кстати, мне представляется небезосновательной границей остроумие обаяния. Вот образчик пушкинского каламбура во времена, когда «белая голова» застряла в его дом.

«Уже издавонто перде смертно Пушкин в Александровском театре сидит рядом с двумя молодыми лодыми, которые безобразно, кстати и нестатки, аплодируют Асановской, а то время знаменитой актрисы. Но знает Пушкин и знает, что он равнодушен к игре их любовницы, они начали вешаться и заслышати довольно громко, что сосед их друг. Пушкин, обратившись к ним, оказал: «Вы, господа, назвали меня другом?» — Пушкин и дал бы пощечину каждому из вас по отпущену, да не очну: Асанова подумает, что и ей аплодирую».

М. М. Гоголь

А вот образчик асаовкин Жерика. Нужно пояснить, что контекст приведенного ниже разговора целиком относится к прекрасному полу.

-Григорий А- как-то сказал Барону Дантесу:

-Дантес, про вас говорят, что вы очень богат.

-«Хочется, Григорий, и я вам это докажу!»

А. Мирон

Как видно, пушкинские остроты, конечно же, предпочтительнее. Однако и Дантес утратил вполне приемлемо, если эти остроты остаются в истории. И весьма расклевано.

Сопоставляя рассказ об изобразительном турнире, когда словесный между двумя остроумцами уже совершенно изощрился. Геккерен-младший носит на пальце перстень с изображением головы одного из членов французской королевской фамилии. Пушкин громко оρίζει:

- Поглядите, господа, барон носит на пальце изображение обильный!

- Не удивляйтесь, господа, барон носит на пальце изображение обильный!

Автор: Юрий Арабов

Тогда эта перепалка не привнесла еще к другим.

Вообще, мне кажется значительным то обстоятельство, что убийцей Пушкина оказался не только остроумец, пользующийся популярностью в светских салонах, но и француз. Воплощение поклонника самого Александра Сергеевича перед французской культурой. Не это ли обстоятельство, в частности, заставило его применить у себя почти бугаевоподобного иностранца – Геккерия-старшего и Геккерия-младшего? Кстати, в то время в Петербурге

служило достаточно иностранцев помимо французок: и немцы, и поляки, и голландцы.

Интересно, как вообще относился общество того времени к любовной интриге, которую затеивает французский остроумец. Из множества документов, просмотренных мною в этой работе, меня поразили один, который я сейчас приведу. Поразил заурядностью того, что происходило в семье Пушкина.

«Данчес был старик и крайне на вид ему было в то время лет 20, много 22 года. Как иностранец, он был пообозначен нас, поляки, как француз – остроумец, жид, аскан. И за ним водилась шалость, но совершенно немалая и свойственная молодежи, кроме одной, о которой мы узнали гораздо позднее. Не знаю, как сказать, он ли жил с Геккерием, или Геккерий жил с ним... В то время в высшем обществе было развито буржуазно

Судя по тому что Данчес постоянно ухаживал за дамами, надо полагать, что в отношении с Геккерием он играл только пассивную роль. Он был очень красивый, и постоянный успех в дамском обществе обязывал его: он относился к дамам вообще, как иностранцы, сменяя, разумеется, чуждым, русским, и как избалованный ими, требовательный, мого коптить, называть, наглее, чем даже принято в нашем обществе.

Юрий Арабов: Сценарий жизни Пушкина /Из книги «Механика судеб»/ - Журнал «Переход»

Автор: Юрий Арабов

В то время Москва Дворян была мидым местом. Мы (кавалергарцы) стояли в избах, акадронные ученые происходили на той земле, где четыре дачи и сажки 1-й и 2-й линии Новая Деревня. Все высшее общество располагалось на дачах поблизости, преимущественно на Черной речке. Делас: часто посещал Пушкина. Он уважал за Натальей, как и за всеми красавицами (а она была красавица), но особо не любил «преудари», как мы тогда выражались, за него. Частые записки, присылаемые Лиззо (уличной Пушкиной), ничего не значили: в наше время это было в обычай. Пушкин хорошо знает, что Делас не преударит за его женой, он вовсе не уверен, но, как он сам выражался, ему Делас был противен своим манерам, несколько навальским, своим косяком, манерою воздержанным, чем следовало с дворяни, как полагал Пушкин. Надо признаться, при всем уважении к высокому таланту Пушкина, это был характер невыносимый. Он как будто боится, что его мало уважат, недостаточно почта оказывают: мы, конечно, боготворили его музу, а он считал, что мы мало перед ним преклоняемся.

Манера Деласа просто оскорбляла его, и он не раз высказывал желание отделаться от его посещения. Наталья не противилась ему и этом. Быть может, даже соглашалась с мужем, но, как набата дур, не умела прекратить свои навальные свидания с Деласом. Быть может, ей хотелось, что блестящий кавалергард всегда у не ног. Когда она начинала говорить Деласу о неудовольствии мужа, Делас, как повелось, совет слышать и этом как бы поощрять к своему ухаживанию. Если б Наталья не была так непростительно глупа, если бы Делас не был так избалован, все кончилось бы ничем, так как в то время, по крайней мере, ничего собственного и не было – рукопожатие, обманыки, подкуп, но не больше, а это в наше время были вещи обыкновенные.

Кн. А. Б. Трубецкой. Об отношении Пушкина к Деласу

Кажется, никто не воспринимал эту интригу серьезно. Никто, кроме Пушкина. Кроме того, упоминание о горничной Лиззо с записками от Гончаровой – момент крайне неприятный, заставляющий предположить, что Наталья Николаевна не была столь невинна, как утверждает официальное пушкиноведение.

Но в ряде документов того времени мы находим упоминание об Александре Сергеевиче в аналогичном контексте, исключая, конечно, поединки писем и какой-либо расчет в вульгарной валюте.

Автор: Юрий Арабов

-К нам часто приезжала сестра Г... «бедная кузина», как ее все называли, дружица, надежная старая дева, воображавшая, что она неграмотна. Пушкин часто пользовался ее слабостью и подсмеивался над ней. Когда «кузина» являлась к нам, он вставал, бросил на нее пламенный взгляд, становился перед ней на колени, целовал ее руки и умолял перржажить оставить их вдали. Кузина млепа от восторга и, сев за саргане Пушкин неизменно садился рядом с ней, много раз в продолжение вечера донюла на пол платок, а Пушкин, подымая, каждый раз жал ей ногу».

В. А. Назаркина

-В пример милой аэлопости Пушкина Назаркина рассказывает следующий случай. Она жила у старого Плинова, а доме Иванова. Наротина из кадрыры жила кавдой-то чепчанки, рыскал и кривою, жина у этого чепчанки было тоже рыскал и кривая, сынешка — рыскал и кривою. Пушкин, для милок, аэдунал копчичис за супругой и любовался, добившись того, что та стала воображать, будто действительно ему нравилась, и начала кокетничать. Начались персылки: кривою мельничек приаживает от матушки узнать от Александра Сергеевича, который час и др. Сына медула с жеманством и пренебрежением, проваживалась мимо осян, давая аэлки Пушкину, на которые тот отвечал прамудрыми знаками. Случилось, что приехал с Кавказа Пля Сергеевич и привез с собой красильный порошок, которым можно было совсем перкрасить волосы. Раз лютые супруги куда-то отправлялись, остался один рыскал мельничек. Пушкин аэдунал заавать его и перкрасить. Назаркина, как сосед, которому за это пришлось бы иметь неприятности, угондрит довольствоваться одним онеком».

П. И. Бартош

Роман Даниелс с Натальей Николаевной разговаривал на очень благоприятном для Пушкина фоне. Всё более во «светлой черне» утверждалась мнение о романе самого Александра Сергеевича с сестрой его жены Александрой Николаевной.

Уже впоследствии, когда я была замужем и стала матерью, я добилась от старой нашей няни объяснения сохранившихся в памяти ее отговора Александры Николаевны. Рядом с Александрой Николаевной заметила проплывающий краешек креста, который она очень дрожала. Все трепетно поставила на ноги, чтобы его отыскать. Тихо перешагнула комнату, уже отожгити надежду, когда камердинер, постылая на ночь кровать, Александра Сергеевича –

его соотвело с радостью его жены, – начисто вытерла из комнаты предмет.

Этот случай должен был неминуемо породить много толков, и, хотя других данных объяснения няня не могла привести, она с убеждением повторила мне: – Как вы там не объясняйте, а по-моему, – графиня была тепленька перед вашей меньшой!-

А. П. Архипов

Что можно на это сказать? Скорее ли это «проклятие» судьбы, отговор ли, навет, но, похоже, что другим мы не позволим того, что позволим себе. Это относится ко всем людям, и «великим», и «заурядным».

Но вернемся к Дантесу. Несомненно то, что человек этот был умный и практический омысл, — доказательством служит хотя бы его карьера, которую он сделал после высылки из России. Упоминание о нем находится даже у Виктора Гюго в примечании к стихам.

—Теперь — омастор 30 000 франков жалованья в год—

Автор: Юрий Арабов

---

*О дальнейшей судьбе Дантеса вплоть до переезда 2 декабря 1851 г. нам почти ничего не известно.

По возвращении из России во Францию он сначала заперся в деревне своей (у Эльзас), а затем в 40-х годах выступил на политическом поприще, был избран депутатом и сначала продолжал быть крайним легитимистом. Затем он из легитимиста превратился в бонапартиста. В награду за услуги, оказанные Луи Наполеону, Дантес был назначен им в день декабрьского переворота сенатором. В начале он обратил на себя особое внимание своими речами в защиту светской власти пап. Во время последней империи Дантес был ревизио-рием при дворе Наполеона III. Дантес был одним из основателей Парижского Газетного общества и оставался директором этого общества до своей смерти, благодаря чему составил себе большое состояние. По словам одного из наших соотечественников, знавшего и Париже Дантеса, это был человек очень одаренный и крайне внимательный, даже большой оратор; он был замечан во всех событиях и происшествиях Второй империи...

С. А. Памундзев. Сборник биографий кавалергардов

На этом, я думаю, можно и нам и закончить.

Теперь кратко охарактеризуем другую фигуру на нашей шахматной доске, замешанную в историю с дуэлью. Это, конечно, «ошибавый палач» — Гихарен старший. Как и не стараясь отыскать что-нибудь благодарное по поводу этого вероноподобного дипломата, хотя бы одно дружеское слово в защиту его, но уж... Такого документа мне неизвестно. Вероятно, это все-таки был подлый. Тут традиция пушкиноведения вполне совпадает с фактами.

«Сидор Геккерен был человек вполне лиричный, расчетливый еще более, чем развратный, мотодой же Геккерен был человек прагматический, деловой, добрый мальчик, балгур, асае не лопалас, не дом-хуан, а приехавши в Россию сделать карьеру. Волонство его не нарушило никаких внешнеоскопих педурбросих претимей».

Киель П. Власовский

А сейчас к приезду уже индивидуальный портрет:

-Старик Барни Гасарен был известен распутием. Он служил себе молодым людьми немого размера и оспинами до побольше слезы и всемогшие энергии по этой части, в числе их наследия кн. Петр Долгоруков и граф П.С.-

Кн. В. Ф. Владимирский по запискам Ефимовича

-Гасарен – невинный старик, всегда улыбающийся, опускавший аутономию, во все времена восточной

Арх. О. Рогов

Что еще сказать о нем? По внешнему, немного шпону, как и любой дипломат. Когда Наталья I объявит его персоной поп-грата, Геккерен лично распродавал имущество своего петербургского дома, вынес вещи на улицу, пропилит ценники, сам вал на продававшийся стул... Какой-то офицер только из-за старания к Геккерену этот стул тут же купил и вынес его из под старого старежика.

То, что старикос был сладкой, не вызывает сомнений. Сомнения вызывает истинно его чужлого вмешательства в семейную жизнь Пушкина. Тут, на самом деле, довольно много версий, среди них есть, например, и такая, что европейский сорвант специально и осознанно губил жизнь русского поэта, сбывая вокруг него заговор. Не думаю, что это правда. О пенальности Пушкина в те годы не договаривалось никто, включая Воюенского и Баратынского.

А вот мнение Аюневского я считаю совершенно верным. Что просто, то и верно.

Геккерен был пидараст равновая Дюпеса и поэтому хотел поспорить его с семейством Пушкина. Отсюда письма анонимные и его сардоничность.

Автор: Юрий Арабов

Поговорим теперь о самой тяжелой фигуре на нашей земной доле, об императоре Николае Павловиче. Обычно его изображают болваном с глазами вылезшими, от которых падает в обморок лавки и впечатлительные дамы. Это еще не только вымысел, но и вставка, введенная зафиг для галеры слепых ребят, не имевшихся то же самое, приди они в власть, сделать с царем. Традиция изображать Николая напыщенным идиотом идет не только от каких-нибудь олимпиадистов, прочитавших в русском языке, но от самого главного артиллера Льва Николаевича Толстого.

В случае же с Пушкиным царь, в основном, не повелевал, но позволял, во-первых, оттого, что ряд серьезных исследовательских работ были написаны в советское время, которые царей не беспокоило; во-вторых, Николай Павлович поддался одной фразе в известном разговоре о Пушкине. Возражая против сравнения его с Карамзиным, царь заметил: «Карамзин умер, как ангел. А этого мы никому не позволим умирать христиански».

С той фразой в советское время много возмездия (в частности, покойный И. Андроников), доказывая посредством нее, что Николай и есть истинный убийца, «настойщик» великого поэта.

Мне же кактус интересны совсем другие высказывания русского самодержца. Они почти совсем неизвестны широкой читательской аудитории и взяты из переписки Николая Павловича с князем Паскевичем.

Автор: Юрий Арабов

-Здесь все тело, и одна трагическая смерть Пушкина занимает гребень и служит нашей главной точкой. Он умер от раны за дверью и спуска картель, не же посланец, но, окая Бог, умер крестником.

Илариди Некраш / - от Поговину

То есть пришлося перед смертью, вот в чем смысл фразы Николая -нашему заставили умереть крестником. Но продолжил дальше эту знаменательную переписку.

-Жан Пушкин, как лирический, а то время, как его талант содрал, но человек он был думной.

Автор: Юрий Арабов

Кс. И. Ф. Псковин — императору Николаю I

«Меня тем же о Пушкине и совершенно разделил, и про него можно справедливо сказать, что в нем оплакивается будущее, а не прошедшее».

Николай I — кс. И. Ф. Псковину

Не знаю, как вам, но мне нравится последнее высказывание императора Николая Павловича. Нравится, конечно, не столько значением Пушкина при жизни, а тем, что царь усматривал в этой жизни значительно более грандиозной будущее. Зато, кстати, «насилась царь» оказывается у меня много из нас, кто считает, что Пушкин исполнился к концу своей жизни как литератор и конечно как человек. Лично для меня одно это высказывание

Николая I, несмотря на внешнюю противоречивость, говорит кое-что об его уме. Во всяком случае, болваном его назвать никак нельзя.

Автор: Юрий Арабов

И, конечно, нужно кратко описать жизнь Пушкина в последние годы. Прежде всего, Наталья Николаевна. В нашем общественном мнении образ этой женщины прованс два стада. Сначала ее ввели во всемирный обиход, чуть ли не в романе с царем, и называли ее поведением одной из причин гибели Александра Сергеевича. Потом, уже в наши дни, в период своего расцвета, полностью реабилитировали. Как вышло? Она в документах, привезенных в этой работе. Я уже цитировал поздравительное объяснение Натальи Николаевны, отчего она принимала ухаживание Дашес, — оттого, чтобы раздразнить Пушкина, в котором угасла страсть. Верится в это с трудом (не в угасшую страсть А. С., а в шайку Гончаровой). Роман с Жоржем продолжался несколько лет, и трудно представить, чтобы он хоть как-то не развился. Ряд современников однозначно считают, что Дашес «жила с ней». Пушкинсты в большинстве своем его отрицают. Я верю науке, а особенно пушкинстам. Для меня очевидно лишь то, что Наталья Николаевна совершенно не понимала того, что происходит. Как и все участники этой трагедии.

Сам же Александр Сергеевич... Чтобы описать его последние годы, нужна целая книга. Кому оно интересно, пусть читает «орыгиналы» исследователей. Потанк, например, в не вашего покорного слугу. Я лишь укажу на некоторые эпизоды, которые считаю важными. Во-первых, сценарий Пушкина не становился меньше, а все более разивался.

-У Пушкина существовало великое множество вещей. Часто, собравшись ехать по какому-нибудь неотложному делу, он приказывал отпрячь тройку, уже поданную и подъявцу, и складывать необходимую поклажу из за того только, что кто-нибудь из домочадцев или прислуги забудет ему какую-нибудь забытую вещь вроде носового платка, часов и т.п. В этих случаях он не шел из дома до тех пор, пока, по его мнению, не пройдет определенный срок, за пределами которого зловещая гримаса перекрестит ему.

В. А. Назарова

Интервью в этом смысле истории с кольцом Нащокина.

«Нащокин носит кольцо с бирюзово-голубой насильственной смерти, и в последний приезд Пушкина настаивает, чтоб он привнес от него такое же кольцо. Оно было завезено: Его долго не носил, и Пушкин не хотел уносить, не дожидаясь его. Кольцо было принесено поздно ночью. По свидетельству Давыдова, кольцо этого не было на Пушкине во время трагического поединка, но перед самым концом он велел подать ему иглу и нитку, вынул из нее бирюзовое кольцо и, подавая Давыдову, сказал: «От обидного нашего друга».

Л. И. Бурлачев со слов П. В. Нащокина

Автор: Юрий Арабов

Справно, почему, при суверене Пушкин, он не надея того кольца в день зловещего подвига. Имя мрут настигом и Александр Сергеевич запятовал, или не так уж неправы те, кто разрабатывает версию самубийства поэта. Нет, однако, не вклин вешние устройства каждого из участника событий, как вклин внутренней механизмом, драматургии конкретной трагедии, выходящая из временно-случайственной связи.

После получения кавалерского ордена Пушкин, кажется, становится совершенно невменяемым. Кстати, стоит, наверное, процитировать этот, по нынешнему понятию, вполне дурной документ, чтобы лишний раз убедиться, как читателю, по выражению одного из современников А. С., убивает гения человек.

«Великие кавалеры, командиры и рыцари светлейшего Ордена Ротомского в полном собрании ордена, под председательством великого магистра Ордена, его превосходительства Д. П. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра Ордена Ротомского и астрографом ордена».

Направленный секретарь: граф Г. Борк

Автор: Юрий Арабов

Документ этот проходил на Пушкина впечатлительные взоры. Теперь даже в гостях он не мог сидеть спокойно, в каждом взгляде, случайном слове, письме, которое приносил ему чудится страшный подвох. Ведь дело усугубилось тем, что пассажиры вонем отправят не только Пушкину, но и ряду его светских знакомых. Это уже был повод нестерпимый. В наше время вонемы уже не стали бы прибегать к письмам, они бы прибегли к телефонным запискам...

Состояние Пушкина в то время можно представить по картине, нарисованной очевидцем. По бульвару идет красавчик Жорж в сопровождении Елизаветы и Натальи Гончаровых. Вдруг откуда ни возьмись появляется Александр Сергеевич, черный как тушь. Поблизко вмиг обгоняет их и сдвигается за угол...

Если читать все воспоминания о Пушкине последние лет, описывающие сальти и битовых игрокслеганий, то создается ощущение, что на поэта надвинулась черная корона из инфракрасной, которая душит его, вытесняет все соки и не дает работать, как прежде. И чем дальше Пушкин сам втягивается в игригу, тем больше принимает ее корона, тем меньше сил остается.

А дальше только и нужно, чтобы их принимали всерьез. Ничто так не укрепляет силы бесовского плутона, как наша к нему ораванное отношение. Оно и порождает диалог, спор, в котором невозможно выиграть.

7.

-УСЛОВИЯ ДУЭЛИ

МЕЖДУ г. ПУШКИНЫМ И г. БАРОНОМ ХОРЖЕМ ГЕКХЕРЕНОМ

1. Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга, за пять шагов назад от двух барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам.

2. Противники, вооруженные пистолетами, по данному сигналу, каждый своим на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, могут пустить в дело свое оружие.

3. Свидетель принимает, что после первого выстрела противники не дозволяется менять место для того, чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же расстоянии. -

Вот и добрался мы с тобой, дорогой читатель, до кульминации и развязки. Стоит ли комментировать место в пьесе, где льется кровь и герой погибает? Не думаю. Во всяком случае, и постараюсь себе ограничить и приберечь мысли на потом, когда тело будет предано земле и зрителю послышат в раздалу. Вот в эти моменты и в прощанье кое-что заветное. А сейчас ограничусь документами.

Наскоро на кону погоду, дует довольно сильный ветер. Марсу было градусов пятнадцать. Заутраченный и надежный руб. Пушкин молчал, по-видимому, был столь же спокоен, как и во все время пути, но в нем выдалось сильное неприятие присутствия оспры и дагу. Когда Данас строит его, находит ли он удобным выбраться им и в Драматическом месте. Пушкин отвечает:

— Мне это действительно все равно — только, пожалуйста, делайте все это побыстрее.

Автор: Юрий Арабов

Открыл ящик, Далас и с Франкис отложил барьер своему автомобилю и начали заряжать пистолеты. Во время этих приготовлений испарения Пушкина обдуваются сквозняком с сапожной окуривалкой:

- Ну что жай Кончелла?

Все было конечно. Прогонели поставили, подали им пистолеты, и по сигналу, который сделал Далас, манура всталой, они начали сидеться.

Пушкин первый подает к барьеру и, оставшись, начал наводить пистолет. Но в это время Далас, не дожидаясь барьера своего ящика, выстрелил, и Пушкин, плавая, охват:

- Кажется, у меня раздроблено бедро.

А. Амессо

-Г. Пушкин удай на шашку, служивую барыню, и оставь неподвижным, лицом к земле-

Василь д'Аржан - князь П. А. Вяземскому

-Секунданы бросить к нему; и когда Дантес намеряется сделать то же, Пушкин ударил его словами-

-Подождите! Я чувствую достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел-

А. Амессе

«После отъезда Пушкина, что он нечет стрелить, г. Гаскерын возвращаются на свое место, став болотом и прикрывая грудью само правое плечо».

К. К. Динкас - «г. П. А. Феликсону»

«Учас сопровождает из бой. Они дрались, и далеко намерь, для них уже не было границе, и ясно видно было, что для Пушкина нужна жертва или погибнуть самому».

А. П. Рыков – А. А. Казаню

«На колених, поутражи, Пушкин-царский в Дантеса в продолжение даун минут и выстрелит так мелко, что, если бы Дантес не держал руку подмышкой, то непременно был бы убит; пуля пробита руку и ударилась в одну из металлических пуговиц мундира, причём вся же проволочка Дантесу за ребра».

А. А. Щербинин

«Гехарен устал, но его обила с ног только сильная контузия, пуля пробита нежесткая часть правой руки, словно он заперт себе грудь, и, будучи тем ослаблен, полетел в пуговицу, которую пальцами держалась на подмышке против локтя; это пуговица слесня Гехарена. Пушкин, увидя его падающего, бросил вперед пистолет и закричал: «Браво!» Между тем кровь пота из ран».

В. А. Жуковский – С. П. Пушкину

—Где же сейчас, Пушкин спросил у Абрама.

—Убил я его?

—Нет, — ответил тот, — вы его равняли.

—Сравнил, — сказал Пушкин, — думаю, что мне доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет... Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем.

Кс. П. А. Балабанов — вел. кн. Михаилу Павловичу

Не могу удержаться от короткого комментария. И по сей день дань эти строки невозможно читать без волнения. Поражает не только трагизм происшедшего, но и стечение обстоятельств, не позволившие Пушкину свалить с Дантесом то же самое, что Дантес свалил с ним. Рок и судьба здесь настолько ясны, что их присутствие дало рождение целой материалистической теории, будто на Дантеса была наведена колдунья.

Погол у нас и в Лермонтов стрелой на Марьяно, в какой-то мере (бить может, чеченцы) их кустов. Возникновение последней версии совпало по времени с убийством президента Кеннеди. Так русское сознание откалибровало на трагедию в Техасе, правильно говоря, что мы видели и не такое.

Но зачем нам выдумывать сложности? Кусты, кольчуги, наемники? Не проще ли сказать, что черт влезал в дело? Проще и честнее.

...После решения мы впервые видим поэта свирелью, с мужеством и отвагой принимающего такой финал, о котором двадцать лет назад его предупредила странная гадалка. Его мужественное поведение на смертном одре лишний раз доказывает, что Пушкин был натурой высокой, несмотря на многочисленные его прегрешения. Перед смертью не врут. По тому, как человек умирает, мы можем судить о самых тайных сторонах его души.

«Он исполнит долг христианки с таким благоговением и таким глубоким чувством, что даже простерный дурак его быт тронул и на чай по этому поводу ответил: Я стар, мне уже недолго жить, но что мне обещать? Вы можете мне не верить, когда я скажу, что для себя самого жажду такого конца, какой он имеет».

Кл. на Елизавета II. Младшая Каролина

«Сейчас мне после со спавши о нем и о благочестии, с кем он исполнит долг христианский. Пушкин никогда не был верен бог (действительно), по крайней мере, не был им в последние годы жизни своей. напротив, он имел сильное религиозное чувство, читал и любил читать Евангелие, был проникнут уважением к религии, знал их наизусть и часто твердил их».

Кл. П. А. Вяземский – Д. В. Давыдов

Красота последних часов жизни поэта была лишь замутнена полнотой самобытности – чтобы обогатить свои невыносимые страдания. Пушкин спрятал под подушку заряженный пистолет, и только внезапность другой отвала его руку...

«Когда все ушло, и он перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице и не видел ничего подобного тому, что было в нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась, руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были опущены прочь, как будто упираясь для отдыха после тяжелого труда. Но что вышло из его лица, и сказать словами не умю. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это был не сон и не покой. Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение позитивное. Нет! Какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развилась, что-то положило на видение, на какое-то полное, глубокое, удивительное значение.

Вспомнилась и тогда, мне все хотелось спросить, что видишь, друг? и что бы он ответил мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты и жизни нашей, которые вполне достойны названия величия. В эту минуту, можно сказать, и видел самую смерть, божественно таиную, смерть без подвывата. Какую боль пережил он на лице его, и как удивительно высказана на нем и само и его табу! Я уверю тебя, что никогда на лице его не видел я

выражение такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой частоте обдумывалась только тогда, когда все замное отделялось от него с приослаблением смерти. Таков был конец чашего Пушкина».

В. А. Жуковский

в.

Пора подвести некоторые итоги нашего скромного экскурса в историю русской литературы, да и нашего национального духа в целом. Мы помним, что не «стороня кровей», не чужда, не обидна на властей не объясняют причин черного дня на Черной речке. «Форт», «судьба» или самубийство более удовлетворительны как объяснения. Только в последнем случае – небольшая записка: отчего человек, решивший прощиться с жизнью, обязательно хочет утаить на тот свет своего противника? Помните, как говорил уже смертельно раненый Александр Сидорович: «Как поправился, так снова начнем». Отчего? Оттого, чтобы не окуло было умереть одному? Нет. И в первом самубийства психологические «попытки с концом» не следуют.

Конечно, есть вероятность, что субъективно такой финал мог устраивать великого мистика. Объективно же его земная жизнь, была раздвинута следствием совершаемых ранее поступков. Вот, что Пушкин совершил в юности сам, **завру обратилось против него в зрелости в увлечением, безобразно-гротескном образом. По-видимому, предчувствуя интуитивно гонимую возможность подобного оборота, он и решил «перезаваль»** после

Михайловского три главные линии своей жизни. Тщательно...

Но не будем повторяться.

Мы обратили внимание на ту власть, которую имели над Пушкиным различные суеверия. Эту свою традицию веры в предметы поэт принес с собой до могилы. Чем же, в таком случае, мешало для Пушкина предсказание мидан Кирдого? Елагин или верные злов?

На первом взгляде кажется, что Благое. За этим провозглашением как бы слышится голос некоего горничного, предостерегающего великого поэта. Но как же быть тогда с тем, что христианская церковь отрицает суверенитет, во всяком случае, не видит за ним никакого положительного смысла для души?..

Зависать следует разбираться. Христос по Евангелию никогда не гадает, не ворожит. Его изречения и пророчества вообще совершаются не от его человеческого «я», но от лица Единого. Этих он реально стигматизировал и создано вместе с ними, которые творят «от себя», но с помощью различных потусторонних сил. Вспомни (исполнись), склонившись над младенцем Иисусом в хлеву, означают признание старого языческого мира, основанного, в частности, на вероисповедании, перед новым Словом и новой Истиной.

Что она означает, эта новая истина, в интересующем нас контексте объясняют ряд христианских мыслителей и философов. Христианство отрицает гадание, в частности потому, что отрицает вообще детерминированный, обусловленный чем-либо мир. Мир, где царствует «автоматический» закон кармы или козланин. Отрицает не потому, что злого «нет» в мире (это, как мы убедились, «есть»), а потому, что подобная вера-суверенитет закрывает путь души человеческой к Богу. Карма несущественна в мире, где есть Суд Божий. А Бог «ничего нечет» награждает благодатью и спасением. С точки зрения причинно-следственных связей непонятно, например, отчего разбойник, распятый с Иисусом, попадает в Рай (а он попал именно туда), а благочестивый фарисей и религиозный богач, может, туда и пролезет, но только после того, как верблюд пролезет в игольное ушко. Также христианство отрицает судьбу и рок, но не потому, что их «нет». Просто эти понятия гаснут перед понятием единственного – веры величием с личное зарю.

Имеешь такую милую веру и оживешь скажи «благое», она тронется с места и победит. Что это значит? А это значит – полная независимость от законов «этого» мира при условии «новой веры». Потому, в частности, и называют христианство религией абсолютной свободы.

Но что же тогда получается? Зачем мы утрудили умную женщину и оживили умную женщину, выискивая закономерности и «драматургию» жизни Пушкина? Ей что, нет? Но мы же доказали, что драматургия эта существует, – она-то и раздала победного нашего поэта...

Автор: Юрий Арабов

Драматург, конечно же, существует. Но мы сейчас говорим о другом. Мы говорим о том, что **любой артистически интуитивно знает, как ослабить причинно-следственную связь, как уйти от равнодушной «кармы», как существенно изменить драматургию собственной жизни.** Если вообще ее не изменить.

Для этого в христианской церкви существует великое Таинство покаяния и прощения. Покаяние разрывает эти кармические связи, в которые попал человек, как муха в паутину. Оно вообще переводит истощающегося на совершенно «другие рельсы», часто неожиданные для него самого. И здесь, если можно так выразиться, мы вступаем в загадочное и новое для нас пространство. Вырвавшись из мира поостороннего, где царствует

применно следственной механики, мы вступаем в мир полусторонний.

Из пространства Эммиля и Лобачевского мы уходим в пространство Эйнштейна и современной топологии.

Всем нам не хватает веры величине с горчично зерно, о большем вообще говорить не приходится. Не хватало этой веры и Пушкину, несмотря на его гениальность.

Вместо Христа мы верим в примету, в зайца или кошку, перебежавшие дорогу, в предсказание на картах, в рок... Это приводит к тому, что кармические законы, причинно-следственные связи лишь укрепляются, и выйди из паутины собственных грехов и заблуждений не представляется возможным. Карма, таким образом, при всей своей мистичности, есть понятие «от мира сего», то есть поостороннее. В этой ее мезамистичности и заключен

демонизм, заключено богопротивное начало, отрывающее спасение через любовь и веру. Вот отчего Еленистители кармы, по Даниилу Андрееву, – существа исключительно демонической природы, перематываема, с обильными интеллектон, с изобретением интеллектон, но исключительно холодной сферой чувств...

Идеи путем искреннего покаяния. Пушкин, безусловно, мог бы продлить собственную жизнь и написать бы много – черновики с задунами и плавнями, оставшиеся после него, подтверждают это. Тогда бы и сбылся первый вариант предсказания старухи Кирилоф – долгая счастливая жизнь до трехсотных лет. Вера же в примету и прочую дрянь окончательно савала жизнь А. С. игушкой в руках Еленистителей кармы. Пушкин знает об этом, описав,

по-видимому, самого себя в «Пиковой даме»: за верой в примету у Германа стоит безумие и смерть.

Остается только надеяться, что Господь на том свете достойно наградит поэта за те страдания, которые пережил он на земле, за милость к падшим и мужественной финал. И как, наверное, именно Александру Сергеевичу отсюда, из «нечеловеческого пространства», читать о себе некрологи и слушать всякий вздор со стороны друзей и недругов:

«Жаль поэта – (жиртук) и великая, и человек был древней. Карент Байронч, и пролет, как авио. Жана его, право, не виновата. Ты знаешь фигуру Пушкина; можно ли было любить его?, особенно львов!»

© В. Булгаков – А. Я. Сидорова

1. Завис и далее в цитату по доступным мне историческим источникам, а также использую антологию В. Вирсова «Пушкин в жизни».

[1](#) В середине XIX века – Грин, рид.

[2](#) XIX века – Грин, рид.

[3](#) Ерефатура (огласно Данилу Андрееву) – совокупность равномерных слоев небесного тела. – Грин, рид.

[Общая информация об авторе](#)

[Пользовательская страница](#) - [Справка](#) - [Ссылочная страница](#)